

УДК 81. 276.3

ПОВТОР-УСИЛИТЕЛЬ КАК СРЕДСТВО ЭКСПЛИКАЦИИ ГЕНДЕРА

канд. филол. наук, доц. М.Д. ПУТРОВА
(Полоцкий государственный университет)
e-mail: m.poutrova@psu.by

Повтор-усилитель имеет четко определенную иллокутивную функцию – акцентировать или усиливать семантическую составляющую повторяемого слова – и реализуется в виде некоего интонационного единства. Прослеживается ряд разновидностей повторов-усилителей, каждый из которых может встретиться в говорении представителей любого гендера, однако с определенными модификациями общей семантики высказывания. Общие показатели встречаемости гендерно-специфичны и особенно проявляются в общении с детьми женщин в роли матери. Маркерами гендера являются: общая частотность повторов-интенсификаторов в тексте, многократные (два и более раз), повторения слова в составе одного кластера, включение в состав повторов-интенсификаторов повторяемого слова в диминутивной или превосходной форме, удлинение гласных, редупликация согласных.

Ключевые слова: повтор, гендер, иллокуция, усиление, семантика, дистанция, интонационное единство, роль матери.

Введение. Повторы давно замечены лингвистами как активно используемое средство выражения лексических и грамматических значений. Традиционно они интерпретируются как предельный, с точки зрения лексикологии, случай редупликации, заключающийся в удвоении всего слова (*еле-еле, только-только, go-go*). Понимается, что чаще всего они выступают как средства варьирования лексического значения, выражая интенсивность, дробность, уменьшительность и т.п., и широко используются при образовании идеофонов и звукоподражательных слов (*кря-кря, тук-тук* [1, с. 408], *зрук-зрук, туп-туп, quack-quack, woof-woof*, если обратиться к вербальной реальности белорусского или английского языков. Констатируется, что весьма часто в ряде языков повтор используется для выражения множественного числа, а в пиджинах он является почти единственным средством создания новых слов. Ряд исследователей интерпретируют повтор как средство деминутивизации [2, с. 242; 3, с. 594].

Исследователи русского языка отмечают, что повторы используются в нем как средство усиления интенсивности действия или признака. Кроме того, они могут употребляться для экспликации длительности, многократности действия, [4, с. 192], например: *да-да, добрый-добрый, думал-думал, ходишь-ходишь, просишь-просишь*. Б.Н. Головин считал оправданным допустить в русском языке существования особого грамматического значения усилительности, которое выражается в повторении слова, обозначающего усиливаемый признак [5, с. 143], например: *мы его очень-очень любим*.

Представленные наблюдения и допуски, однако, являются результатом анализа повторов с позиции именно классической структурной лингвистики и совсем не описывают его как способ проецирования гендерной идентичности языкового субъекта. Наша гипотеза состоит в том, что повтор может быть одним из эффективных средств языка как созидания, то есть языка, осуществляющего сотворение гендерной составляющей языковой личности и трансформирующего, с точки зрения этой личности, мир вокруг неё в определенные фрагменты мыслей, высказываний об этом мире, позволяющие, в конечном итоге, сконструировать ей свою языковую картину мира. Неслучайно исследователи самых разных областей знаний убедительно говорят о том, что структура гендерной идентичности, включающая в себя эмоционально-оценочный, когнитивный, поведенческий и личностный компоненты, имеет содержательные, качественные и количественные особенности [6, с. 4], и отсутствие или недостаточное развитие данных особенностей – серьезный ущерб в структуре языковой личности, который приходится так или иначе преодолевать [6].

Наиболее важно для нашего исследования то, что, как показывают ряд авторов, отмеченные компоненты находят свое проявление в особенностях вербального поведения говорящих и пишущих субъектов. Проблема состоит в том, что в настоящее время описаны лишь некоторые из характерных манифестаций гендера языковыми средствами, основная же их масса остаётся неисследованной. Дальнейшее выявление языковых средств экспликации гендера продолжает быть актуальной задачей современной гендерной лингвистики и гендерных исследований в целом.

Новизна настоящей работы состоит в помещении повторов в фокус внимания исследователя лингвиста-гендеролога, изучении их потенциала в плане отражения гендерной идентичности говорящего или пишущего субъекта. Целью представленного исследования, как явствует из представленной ранее гипотезы, является изучение возможностей повтора в плане созидания, конструирования гендерной идентичности говорящего субъекта.

Основная часть. Широко известная классическая модель речевого действия, предложенная Р. Якобсоном, впервые обозначила важнейшие составляющие коммуникативных событий, без изучения и описания которых невозможно рассмотрение каких бы то ни было коммуникативных процессов. Неслучайно данная модель оказалась востребованной в самых разных научных парадигмах, расширяющих и углубляющих анализ отдельных её компонентов, каковыми у Р. Якобсона были отправитель, получатель, канал, контакт, контекст, сообщение [7, с. 66].

Современная лингвистика, сущность которой наиболее точно отражена в слове «антропоцентрическая», сочла необходимым уточнить наименования предложенных Р. Якобсоном компонентов, представляющих собой важнейшие измерения коммуникативных действий, самым непосредственным образом влияющих на конкретные характеристики любого речевого сигнала, любого языкового послания. В частности, вместо терминов «отправитель» и «получатель» современная лингвистика оперирует понятием «языковая личность» или «языковой субъект» и пытается привлечь во внимание перечень структурирующих данное понятие характеристик, с тем чтобы проследить возможное влияние последних на особенности конструирования и функционирования языковых средств в реальном общении, в подлинных актах использования языка.

Гендерная идентичность, как известно, является важнейшим измерением языковой личности. Исследования последних лет убедительно показали, что параметр гендера правомерно считать значимым фактором языковой вариативности, обуславливающим появление определенных характеристик в вербальном поведении языковой личности. Последние, однако, весьма трудны для выявления. Язык, по образному выражению Л. Витгенштейна, переодевает мысли. Притом так, что по внешней форме этой одежды нельзя заключить о форме скрытой за ней мысли, ибо внешняя форма одежды образуется совсем не для того, чтобы обнаружить форму тела [8, с. 242]. Мы полагаем, что в аспекте гендера сказанное справедливо лишь до той поры, пока мы недостаточно хорошо знаем гендерно значимые особенности формы и поэтому пропускаем некоторые существенные ее характеристики, подсказывающие, представитель какой гендерной идентичности осуществил реализацию языкового сообщения и как поэтому предпочтительнее его интерпретировать.

Настоящая работа, как явствует из представленной ранее гипотезы, как раз и ставит своей целью исследование возможностей повтора в плане создания или конструирования гендерной идентичности говорящего субъекта. Каков же вклад повтора в функционирование языка как созидания, то есть языка, сотворяющего самого говорящего субъекта и языковую картину мира вокруг него [7, с. 691; 8, с. 9]?

Чтобы ответить на данный вопрос нами было проведено сопоставительное исследование массивов подлинного вербального поведения в четырех культурах: белорусской, русской, американской и английской, состоящих, примерно, из 40 000 слов в каждой из них. Кроме того, нами широко использовались записи, полученные в ходе многолетних наблюдений аутентичного говорения в названных культурах. Прежде всего мы выделили все случаи реализации повторов-усилителей в наших записях.

С одной стороны, интенсифицирующий повтор имеет свою достаточно четко очерченную иллюкутивность – акцентировать или усиливать семантическую составляющую повторяемой единицы, например: *...это были высокие-высокие отношения; ...цягнуў-цягнуў, ды так і не ўсцягнуў; ...red-red roses; ...goody-goody*. С другой стороны, данная разновидность повторов может быть представлена в целом ряде других своих вариантов, что затрудняет их идентификацию. В настоящем исследовании повторами-усилителями или повторами-интенсификаторами считаются те из них, в которых прослеживается усиление смысла, заявленного в первом из повторяемых одним говорящим слове, и которые реализуются поэтому в одной интонационной структуре – тоногруппе, её части или речевом действии, если последнее состоит из одной тоногруппы. *Высокий-высокий, цягнуў-цягнуў, goody-goody и red-red* образуют интонационные единства, которые не разрушаются на составляющие их относительно самостоятельные единицы, а образуют одно целое. Нарушение интонационного единства, составленного из повторяющихся слов, приводит к появлению других разновидностей повторов, например: *Да, парни они высокие, высокие*. Реализованные каждое в нисходящем тоне два слова *высокие, высокие* не образуют интенсифицирующего единства. Второе из них представляет собой повторную констатацию или подтверждение, а не усиление смысла одной номинации, состоящей из двух слов, в которой второе слово усиливает общий ее смысл.

Подобное усиление наблюдается в повторах, реализованных в следующих фрагментах наших записей свободного говорения.

1. *Конечно-конечно! Обязательно будем уделять большое-большое внимание и все-все делали. Вот увидите.*
2. *He's my very-very-very best friend!*
3. *Ніколі-ніколячкі!*
4. *Ды-я-а-ак цяпне-цяпнее сябе на назе!*
5. *Ккак далл-далл по мячу-у!*
6. *S-so-ssso tired! Exhausted!*
7. *Не буду-не буду-не буду! Не буду! Все, все, все!*
8. *Знаю, знаю.*
9. *Да, да, да, именно так.*
10. *Зеленый, зеленый, зелененький!*
11. *Sure-sure, yeah.*
12. *Вкусный-вкусный-превкусный.*

Представленные примеры являют собой наиболее частотные разновидности повторов-усилителей или повторов-интенсификаторов, зарегистрированных в нашем материале. В принципе, каждый из представленных вариантов возможен как в говорении мужчин, так и женщин. Вместе с тем, наблюдаются определенные предпочтения их реализации в зависимости от гендерной идентичности говорящего субъекта, которые хорошо прослеживаются, если рассмотреть данные о частотности их встречаемости.

Представляется важным отметить, что общие показатели употребительности повторов всех видов, включая и повторы-интенсификаторы, в мужском и женском говорении вполне сопоставимы во всех культурах, хотя конкретные абсолютные цифры все-таки несколько выше в мужском говорении (на 1,25 – 3,75% в нашем материале). Повторы-интенсификацикаторы, однако, даже по общим показателям своей встречаемости обнаруживают явную связь с гендерной идентичностью говорящего субъекта. Если принять все реализации повторов-интенсификаторов в каждой из рассматриваемых нами культур за 100%, то оказывается, что большая их часть [60 – 67,5%] приходится именно на женское говорение в каждой из них.

Но только ли в показателях частотности или количественных особенностей дистрибуции повторов-интенсификаторов кроется их способность маркировать гендер? Тщательный анализ наших данных позволил убедиться, что роль повторов вообще и показателей их частотности, в частности, гораздо более сложная и многообразная. Так, количество повторов типа тех, которые приведены в пунктах *1, 8, 9, 11* примеров настоящей статьи (*конечно-конечно, знаю-знаю, да-да-да, sure-sure*) является гендерно мало дистинктивным. Сказанное справедливо и в отношении широко употребительных трехкратных повторов в русской и белорусской культурах: *вот-вот-вот, так-так-так*. Мы обозначили их по аналогии с терминологией, принятой в стилистике (*trite metaphors*), банальными или привычными повторами. Гендерные различия в показателях частотности достигаются за счет менее привычных повторов (см. *3, 4, 7, 10, 12*). Так, если повтор слова встречается в одном речевом действии два и более раз (см. *2*), то он, скорее всего, оказывается реализованным в женском говорении и довольно хорошо идентифицируется как таковой информантами-носителями языка. Не менее четко гендерная идентичность прослеживается и в случаях, когда в одной реплике наблюдается несколько трех- и более кратных повторов (см. *7*) или когда в состав повтора входит реализованная в диминутивной или превосходной степени словоформа (см. *10, 12*). Их идентификация оказалась также довольно успешной, причем у информантов всех возрастных групп. Тем не менее, в реальном говорении, примерно в 15 – 20% случаев своего употребления такие повторы оказываются фрагментами вовсе не женского говорения. Представляется важным отметить, что мужское употребление подобных повторов имеет явную специфику и наблюдается, главным образом, в разговорах с детьми или о детстве, женщинах. Кроме того, они употребительны в случаях иронизирования, уничижения, причем не только в отношении реалий женского мира или детства, например:

13. Уж ваш начальник-начальничек ... не подведет!

В данной реплике говорящий иронизирует по поводу чрезмерного, как ему кажется, почитания начальника членами обсуждаемого коллектива.

Не менее гендерно-характерными являются повторы с редупликацией или пролонгированием согласных (см. *5, 6*). Почти все они в нашем материале оказались фрагментами мужского вербального поведения, даже те, которые мы обозначили как привычные: *коннешино-коннешино*. В женском говорении таким образом реализованные повторы также возможны, причем не столько в ситуациях имитации мужского или начальственного поведения, сколько в эпизодах, когда женщины действительно ведут себя в авторитарном стиле, демонстрирующем назидательность и власть. Однако частотность таких случаев минимальна, мы зафиксировали только 7,5 – 12,125% таких случаев от всех реализованных подобным образом повторов в каждой культуре. Минимальный показатель (7,5%) соотносится с белорусской культурой, максимальный – с американской, в которой зарегистрировано 12,125% женских консонантных редупликаций от всех случаев таких повторов в данной культуре. Убедительное превалирование обсуждаемой разновидности повторов в мужском говорении, на наш взгляд, является следствием отмеченного многими исследователями стремления субъектов-мужчин репрезентировать себя как определенную отдельную индивидуальность, независимую, авторитетную личность, полноправного и автономного члена языкового сообщества.

Для женского говорения значительно более характерно удлинение гласных (см. *4*), возможно, потому, что такое удлинение позволяет лучше эксплицировать переживаемые эмоции. Однако опознаются такие речевые действия или реплики как соотносящиеся с определенной гендерной идентичностью значительно менее точно, чем те из них, которые реализуют в своей структуре повторы с редупликацией согласных.

Как видим, повторы-интенсификаторы действительно являются одним из достаточно эффективных способов маркирования гендерной идентичности говорящего субъекта. Существует ряд разновидностей такого маркирования. Все они вносят свой вклад в осуществление языком его созидательной сущности, участвуют в сотворении гендерно дистинктивного по форме текста и гендерно дистинктивной языковой личности.

Вместе с тем, не все они с одинаковой легкостью распознаются при анализе языка текста. Наиболее сложным представляется фактор общей частотности их реализации. Здесь все дело не в принципиальной возможности употребления усиливающих повторов, а в их совокупной частотности. Данный фактор создает совершенно разные общие образы говорения, которые, тем не менее, в полном соответствии с утверждением Л. Витгенштейна [2, с. 242], достаточно сложны для распознавания. Например:

14. I пайшло-пайшло. Сама-сама усё раблю. I рыю-рыю, i сею-сею, i пацу-пацу. Усё-усё, усё сама. Сама-сама-сама, от як.

Сами по себе все подчеркнутые в приведенном примере повторы могут встретиться и в говорении мужчин. Но вот в таком количестве в одной реплике они все-таки предпочтительнее в говорении представителей другого гендера. Во всяком случае, как в нашем подборе записей аутентичного говорения, так и в многочисленных наблюдениях. Неслучайно подобные образцы, один из которых представлен в обсуждаемом примере, в нашем

материале зафиксированы в говорении именно женщин, создавая характерную для них эмоциональность, соответствующую дистанцированность от рисуемого ими образа мира. Весьма полезно сравнить данный фрагмент с образцом в значительной мере схожего по общей семантике мужского говорения:

15. *З таго і пайшло-паехала. Гатую сам. Усю ежу сам. Нічога. Нармальна.*

Рассмотрим теперь два фрагмента из записей общения с детьми. В русскоязычной ситуации с мальчиком четырех лет, в англоязычной – с мальчиком чуть более двух лет.

16. *М₁: Иди сюда-сюда, на коврик, будем сидеть. На коврик-на коврик. И на птичек смотреть. Вон, видишь? Птичка серенькая – коричневенькая.*

С₁: Птичка.

М₂: Да.

С₂: Прыгает.

М₃: Прыгает-прыгает. Да. Куда ты?! Что ты? Не пугай ее. Ты лучше смотри, не пугай.

С₃: Я посмотреть.

М₄: Ты ее испугаешь, не суйся. Птичка улетит. А так она не знает, что на нее смотрят. Не знает и не боится.

С₄: Лапки чистит.

М₅: Да-да. Лапки чистит.

С₅: Долго!

М₆: Долго! Долго-долго, видишь? Птичка хочет быть чистенькой. Лапки чистит-чистит. Видишь, Семушка, видишь? Долго-долго-предолго. А ты зубки как чистишь?

С₆: Чистишь.

М₇: Долго-долго? Как птичка?

С₇: Птичка прыгает.

М₈: Да, прыгает. Лапки почистила. Теперь они у неё чистые-чистые.

С₈: И крылышки чистые.

М₉: И крылышки.

С₉: И головка.

М₁₀: Да, и головка чистая.

С₁₀: А чего она стоит?

М₁₁: Думает.

С₁₁: Что думает?

М₁₂: А как ты думаешь?

С₁₂: (молчание)

М₁₃: О чем она думает? Семушка, о чем птичка думает, а?

С₁₃: Она вспоминает.

М₁₄: Она вспоминает. И что она вспоминает? Семушка, что птичка вспоминает?

С₁₄: Мобильник.

М₁₅: Мобильник?!

С₁₅: Да! Где положила.

М₁₆: А-а!! Да-да! А-я-яй! Не помнит, где положила. Ай-я-яй! Мобильник!

С₁₆: А-я-яй!

М₁₇: Ай! Не помнит-не помнит!

С₁₇: Птичка-птичка.

17. *М₁: There's my bootie!*

S₁: Ah yeh.

M₂: You are my dear bootie. I love you.

S₂: I love you, love you.

M₃: You are my Lennie-Lennie-Lenn.

S₃: Bootie.

M₄: Yeh, my very-very-very dear bootie.

S₄: Heh.

M₅: My Lennie-Lennie-Lenn.

Примечание: *M* – мать, *S* (*S*) – сын.

С содержательной точки зрения оба фрагмента, особенно 16, можно описать как low in content, то есть как не отличающиеся сложностью смысла и логических построений. Но по значимости в жизни каждого человека они бесценны. Неслучайно наблюдается живой интерес общественности, и не только исследовательской, к поведению именно женщины-матери [11, с. 35]. Отмеченные нами особенности распределения повторов в говорении матери показывают одну из характерных черт языковой организации значимого для каждого члена языкового сообщества вербального поведения. Колмогорова А.В. и Варламова О.Н. убедительно показывают, что за внешней простотой и относительной семантической примитивностью, как правило, скрывается достаточно сложная иллокутивная или целевая основа такого общения [11, с. 115]. Менее детализированную, однако весьма эффективную модель анализа иллокуций вербального поведения ребенка в общении с матерью предлагает М. Халидэй,

выделяя всего две из них: матетическую (mothetic) и прагматическую. Матетическая направленность имеет своей целью установление хороших отношений, теплоты, понимания между говорящими. Прагматическая – более сложная и состоит, в свою очередь, из двух разновидностей, одна из которых заключается в приобретении или сообщении знаний о мире, окружающей действительности [12, с. 6]. Как видим, обе из них прослеживаются в фрагменте 17, матетическая же или отношенческая (мы вместе!), в обоих из них (см. 16, 17).

Любопытно, что в наших фрагментах прослеживаются культурные особенности образования трехсловных кластеров-усилителей. В русской культуре они могут заканчиваться повторяемым словом в диминутивной форме (*Лена-Лена-Леночка*), а в английской строятся по фонетической модели субморфных образований типа *hickory-dickory-dock* (см. 17, *Lenne-Lennie-Lenn*).

Заключение. Суммируя установленные в ходе нашего экспериментального сопоставительного изучения данные, правомерно утверждать, что повторы-интенсификаторы являются достаточно действенным средством экспликации гендерной отнесенности высказывания. Важнейшими способами формирования данной отнесенности являются следующие:

- общая частотность повторов-интенсификаторов в тексте;
- многократные (два и более раз) повторы слова в составе одного кластера;
- включение в состав повторов-интенсификаторов повторяемого слова в диминутивной или превосходной форме;
- удлинение гласных;
- редупликация согласных.

Наиболее важными характеристиками повторов-усилителей правомерно считать следующие:

- наибольшая их встречаемость в говорении женщин, выступающих в роли матери, в их общении с детьми дошкольного возраста;
- значительно более высокая частотность в говорении женщин вообще;
- основной мотив, проецируемый повторами-усилителями в аутентичном говорении, выделяющий его среди других разновидностей повторов, состоит в коннотировании сознания близости, сокращения дистанции;
- в мужском говорении повторы-усилители могут приобретать значения иронии, уничижительности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов, В.А. Редупликация / В.А. Виноградов // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева [и др.]. – М. : Сов. энцикл., 1990. – С. 408.
2. Бенвенист, Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист. – М. : Прогресс, 1974. – 447 с.
3. Dahl, O. Diminutives and Augmentatives / O. Dahl // Encyclopedia of Language and Linguistics : in 13 vol. / Ed. K. Brown. – Amsterdam : Elsevier, 2000 – 2010. – Vol. 3. 2003. – P. 594–595.
4. Гируцкий, А.А. Введение в языкознание / А.А. Гируцкий. – Минск : ТетраСистем, 2020. – 288 с.
5. Головин, Б.Н. Введение в языкознание / Б.Н. Головин. – М. : Высшая школа, 1973. – 320 с.
6. Курочкина, И.А. Развитие гендерной идентичности детей-сирот подросткового возраста : автореф. дис. ... канд. психол. наук / И.А. Курочкина ; Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2020. – 26 с.
7. Jakobson, R. Linguistics and Poetics / R. Jakobson // Language in Literature. – London : The Belknap Press, 1988. – P. 62–94.
8. Витгенштейн, Л. Логико-философский трактат / Л. Витгенштейн // Семиотика. Антология / Под ред. Ю.С. Степанова. – М. : Академический проект, 2001. – 702 с.
9. Гумбольдт, В. Форма языков / В. Гумбольдт // Избранные труды по языкознанию / Под ред. М.А. Оборина. – М. : Прогресс, 2001. – С. 69–74.
10. Ромишвили, Г.В. Вильгельм фон Гумбольдт – основоположник теоретического языкознания / Г.В. Ромишвили // Избранные труды по языкознанию / Под ред. М.А. Оборина. – М. : Прогресс, 2001. – С. 5–33.
11. Колмогорова, А.В. Женщина в семейной коммуникации: речевой портрет матери (на материале русского и французского языков) / А.В. Колмогорова, О.Н. Варламова. – Красноярск : СФУ, 2019. – 208 с.
12. Halliday, M. A. K. Spoken and Written Language / M. A. K. Halliday. – Oxford : OUP, 1992. – 109 p.

REFERENCES

1. Vinogradov, V. A. (1990). Reduplikaciya. In V. N. Yarceva (Eds.) *Lingvisticheskij enciklopedicheskij slovar'*, (408). Moscow: Sovetskaya enciklopediya. (In Russ.).
2. Benvenist, E. (1974). *Obshchaya lingvistika*. Moscow: Progress. (In Russ.).
3. Dahl, O. (2003). Diminutives and Augmentatives. In Brown, K. (Eds.) *Encyclopedia of Language and Linguistics* : (in 13 vol., Vol. 3, 594–595). Amsterdam: Elsevier.
4. Giruckij, A. A. (2020). *Vvedenie v yazykoznanie*. Minsk: TetraSistem. (In Russ.).
5. Golovin, B. N. (1973). *Vvedenie v yazykoznanie*. Moscow: Vysshaya shkola. (In Russ.).
6. Kurochkina, I. A. (2020). *Razvitie gendernoj identichnosti detej-sirot podrostkovogo vozrasta*. Ekaterinburg: Ural State Pedagogical University. (In Russ.).
7. Jakobson, R. (1988). Linguistics and Poetics. In *Language in Literature*, (62–94). London: The Belknap Press.
8. Vitgenshtejn, L. (2001). Logiko-filosofskij traktat. In Yu. S. Stepanova (Eds.) *Semiotika. Antologiya*. Moscow: Akademicheskij projekt. (In Russ.).

9. Gumbol'dt, V. (2001). Forma yazykov. In M.A. Oborin (Eds.) *Izbrannye grudy po yazykoznaniiyu*, (69–74). Moscow: Progress. (In Russ.).
10. Romishvili, G.V. (2001). Vil'gel'm fon Gumbol'dt – osnovopolozhnik teoreticheskogo yazykoznaniiya. In M.A. Oborin (Eds.) *Izbrannye grudy po yazykoznaniiyu*, (5–33). Moscow: Progress. (In Russ.).
11. Kolmogorova, A.V. & Varlamova, O.N. (2019). *Zhenshchina v semejnoy kommunikacii: rechevoj portret materi (na materiale russkogo i francuzskogo yazykov)*. Krasnoyarsk: SFU. (In Russ.).
12. Halliday, M. A. K. (1992). *Spoken and Written Language*. Oxford : OUP.

Поступила 24.12.2021

INTENSIFYING WORD REPETITION AS A MEANS OF GENDER MANIFESTATION

M. POUTROVA

Intensifying repetition of words has a clear cut illocution which is highlighting or reinforcing the semantic potential of the repeated word. It is realized in the form of some intonation unity. There are a number of varieties of word repetitions, each of which can come up in the speaking of representatives of any Gender, bringing about, however, some modifications in the general semantics of an utterance. The data obtained proves that intensifying repetitions help to bring out Gender identity of the utterance, the most important characteristics of the repetitions being their general frequency, especially in speaking of women in the role of a mother, multiple (two or more in an utterance) repetitions of a word within one cluster, diminutive or superlative form of a repeated word in an intensifying cluster, lengthening of vowels or reduplication of consonants in the repeated words.

Keywords: repetition, Gender, illocution intensification, semantics, distance, intonation unity, role of a mother.